

МАЯКОВСКИЙ был частью моей жизни — много лет я жила его стихами. Его ритм был ритмом моего существования в юности.

Видела и слышала Маяковского много раз — в залах Консерватории, Политехнического музея, Дома печати, клуба ФОСП (Федерация объединений советских писателей).

Но говорила с ним — и он пожал мне руку своей большой рукой — только один раз, на лестнице театра Мейерхольда в день премьеры «Бани» 16 марта 1930 года. Нас познакомили. Он внимательно посмотрел на меня, студентку литфака МГУ, — длинные косы, румяные щеки, большие очки...

Маяковский был очень взволнован, весь в смятении, быстро спускался вниз, и ступни его ног не умещались на ступенях лестницы.

А первый раз я увидела его в 1928 году.

В двадцатые годы на Тверском бульваре каждую весну как по щучьему велению вырастал нарядный городок ярких фанерных киосков. Чудесный это был книжный базар! Там можно было найти новые и старые книги, тоненькие брошюры и толстые тома всевозможных солидных изданий. А один день на книжном базаре посвящался детям.

В 1928 году этот день пришелся на 11 июня.

Погода была великолепная, и мы очень радовались, что наши труды не пропадут даром — ведь мы уже давно готовились к этому празднику: сами мастерили плакаты, лозунги, рисовали увеличенные обложки разных любимых книг. «Мы» — это актив детских библиотек, главные организаторы и участники праздника. Я тогда училась в школе, а все свободное время пропадала в своей любимой детской библиотеке имени Г. А. Успенского, которая была для меня и для многих ребят вторым домом.

Красивое это было зрелище — шествие ребят с плакатами и книжными обложками! Каждый район в одинаковых сатиновых шапочках-пилотках. Краснопресненский — в красных, Сокольнический — в зеленых, а мы, бауманцы, — в ярко-голубых. Кто из дальних районов — часть пути проехали на трамвае. Но всюду люди останавливались, читали наши лозунги.

Наконец мы прибыли на Тверской бульвар. Во всю длину его буйствовал книжный базар. Причудливые киоски, толпы ребят...

В одних киосках книги просто продавали. В других — книжку надо было «выудить». Это было очень интересно: за 10 копеек тебе давали длинную удочку с крючком, и ты забрасывал ее за фанерную перегородку, на которой были нарисованы «неспокойное синее море», и старый рыбак с неводом, и золотая рыбка. Закинешь удочку и ждешь. Вот будто клюнуло! Тянешь. И на крючке — нарядная книжка! Особенно это нравилось малышам. Они кричали: «Золотая рыбка, мне про царя Салтана!», «Мне про Мойдодыра!». И «Золотая рыбка» старалась угодить всем.

Толпами стояли ребята около киосков, в которых книги продавали сами писатели. Они читали свои стихи, беседовали с юными покупателями.

Мне сказали, что где-то здесь, на базаре, Маяковский. Очень хотелось его увидеть. Я бегала от киоска к киоску, присматривалась ко всем, но Маяковского так и не нашла. Скоро мы все отправились в Консерваторию на концерт. Выступали разные артисты, самодеятельный шумовой оркестр, хор. Ребята уже порядком приустили и были не очень внимательны: кто разговаривал с соседом, кто рассматривал свои «трофеи» — новые книжки. Вдруг объявили, что сейчас

Рядом с этой книгой вскоре поместилась у меня на полке книжечка Маяковского «Как делать стихи», изданная в 1927 году. На титульном листе сохранилась моя пометка: «Ж. Таратута, Москва, 28/II — 1929 г.». Эти книжечки я читала и перечитывала постоянно.

Были у меня и его детские книги, нарядно изданные, — «Конь-огонь», «Что такое хорошо и что такое плохо», — но они не сохранились...

Евгения ТАРАТУТА

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

выступит поэт Владимир Маяковский.

Он вышел на середину сцены и сказал, что будет читать свои стихи «Что делать?» (потом он дал им другое название — «Кем быть?»).

Появление поэта не утихомирило ребят. В зале по-прежнему было шумно.

Раздался громовый голос Маяковского:

У меня растут года,
будет и семнадцать.
где работать мне тогда,
чем заниматься?

В зале стала возникать тишина — то тут, то там, островками. Один не договорил, другой не ответил соседу, третий опустил книжку. Через минуту-две уже был слышен только один голос:

Хороший дом,
большущий дом
на все четыре стороны,
и займуть ребята в нем
удобно и просторно.

Во все глаза разглядывала я Маяковского. Он оказался именно таким, каким я его себе представляла, — огромный, громкий, очень уверенный, свободный и доверительно-близкий.

Все выступавшие до него казались очень маленькими на большой сцене Консерватории, а ему все пришлось в пору — и широкая сцена, и уходящие ввысь серебряные трубы органа, и весь красавец зал, и тысячи глаз, смотревших на него чуть с недоумением, но и с интересом: стихи, не похожие на другие, знакомые издавна, увлекли. А что будет дальше?

— Здравствуйте, дети! — сказал Владимир Владимирович. — Кто у вас болен? Как живете, как животики?

Сказал он это очень дружелюбно, как будто каждому в отдельности. Именно — не прочитал стихи, а сказал своими словами.

И, однако, это были стихи, которые подчиняли себе всех четким ритмом, чистым звуком, острой рифмой, глубокой мыслью.

Хлопали Маяковскому долго, дружно, весело.

А я радовалась, что одна из первых слышала его новые, еще не напечатанные стихи. Радовалась, что купила на базаре его книжечку «Избранное из избранного», вышедшую еще в 1926 году. Стоила она 15 копеек, для меня это были большие деньги, но я давно мечтала иметь стихи Маяковского. Так и сохранилась моя первая книга Маяковского, тогда же обернутая в белую бумагу, на которой я сверху написала фамилию автора и название.

А вот книжечка его «Владимир Ильич Ленин», выпущенная в серии «Универсальная библиотека» в 1927 году, — сохранилась, на ней помечена мною дата покупки: «16.V — 29 г.». Стоила книжечка 20 копеек.

Как ценили мы — школьники, студенты — эти дешевые книжечки! Как дорожили ими! Обменивались. Давали читать друг другу, перечитывали.

Большую ценность для нас имели списки книг, вышедших в этих сериях, которые прилагались к каждой книжечке. И действительно, сама книга — лучшая реклама и информация о других книгах! В книжечках, выпущенных в серии «Универсальная библиотека», Госиздат сообщал на последней обложке большой список выпусков этой серии. Какой соблазнительный список! Произведения Джека Лондона, Горького, Бальзака, Тургенева, О. Генри, Уэллса, опять Горького...

А на последних листочках можно было узнать о разных сборниках самого Маяковского, И. Уткина, Н. Асеева, В. Казина. Может, все и не купишь, зато знаешь, что можно взять в библиотеке.

А порой давались не только списки, но воспроизводились обложки вышедших книжек — по 16 обложек на страничке. И почти на каждой обложке — портрет автора. И мы узнавали в лицо любимых писателей — Павла Бляхина, Веру Инбер, Михаила Зощенко, Ларису Рейснер, Илью Эренбурга...

За автографами мы не гонялись, а вот увидеть и услышать — мечтали.

Книжечка писателя, которую тот держал в руках во время выступления, была, как подаренная им...

Выступлений Маяковского в Политехническом музее я не пропускала. Частенько ходила «зайцем». Подробно записывала в дневник все, что читал, кто выступал еще, какие выкрики были из публики. Дневники мои пропали, но несколько строчек из них, касающихся Маяковского, сохранилось в книге В. Катаняна «Маяковский. Литературная хроника».

Василий Абгарович Катанян узнал о моих дневниках и попросил показать мои записи о Маяковском. Пригласил к себе.

Взяла я с собой несколько тетрадок — а всего их было 26, — толстых, в черных клеенчатых обложках, плотная бумага в клеточку мелко-мелко испи-сана.

Василий Абгарович выписал из моих тетрадей несколько строчек о празднике 11 июня

1928 года. Они вошли во второе издание его хроники 1948 года, на странице 348-й. Там указано: «Из дневника ученицы 8-го класса Е. Таратута».

Затем его заинтересовали мои записи по поводу выставки Маяковского «20 лет работы».

Мы давно уже слышали о подготовке этой выставки, ожидали ее еще в конце 1929 года. Я только что была принята в университет, и возможности мои стали шире, чем у школьницы.

себе» (Из дневника Е. Таратута) — значится на стр. 393-й книги В. Катаняна.

Так три раза подряд я слышала, как Маяковский читал «Во весь голос». Прошло полвека, а я все слышу голос любимого поэта. На вечерах, концертах, когда объявляют, что артист такой-то исполнит «Во весь голос» Маяковского, — я ухожу, выключаю радио. Я слышу только его голос — во весь голос...

Вскоре после закрытия выставки и была премьера «Бани» в театре Мейерхольда, на которой меня познакомили с Маяковским. Где-то я видела его еще раз...

14 апреля в клубе «Работница» при пуговичной фабрике имени Балакирева должен был состояться вечер поэзии. Я жила тогда рядом с этим клубом и непременно собиралась попасть на этот вечер — среди выступавших был объявлен и Маяковский.

С утра я была на лекциях в университете. После второй лекции я услышала что-то слова о смерти Маяковского. Ну, мы, конечно, не поверили. Потом еще кто-то повторил. Еще...

Моя двоюродная сестра Нина Таратута, тогда студентка факультета совправа, жила в самом центре, неподалеку от университета. В полном отчаянии я кинулась к ней. Звонили по телефону разным людям — никто ничего не знал. Я позвонила знакомому литератору.

— Да, это правда! — сказал он. — Подробности не знаю. Приходи вечером в клуб «Работница» — там я тебе расскажу.

Оказывается, он тоже должен был выступать в этом клубе. Вечером я была там. Говорили только о Маяковском. Кто-то из поэтов, кажется, Жаров, прочитал стихотворение Маяковского «Сергею Есенину». Как трагически оно прозвучало: «В этой жизни помереть не трудно!»

«Не верили, считали — бредни, но узнавали от двоих, троих, от всех» — так точно передал Борис Пастернак наши ощущения.

Застрелился! Застрелился! Разве можно было этому поверить?!

«Товарищ жизнь, давай быстрей протопаем...»

«Я к вам приду в коммунистическое далекое...»

Он лежал в том же самом зале, где была его выставка. Теперь писателей было много: и левовцы, и рапповцы, и все остальные.

А молодежь шла толпами. Он был наш поэт!

От студентов МГУ и я стояла в почетном карауле.

Тяжко было. Немыслимо тяжело.

В серии «Новинки пролетарской литературы» РАПП выпустила «Во весь голос». С портретом поэта. С обращением секретариата РАПП. Книжку продавали тут же, на похоронах. Я купила ее там и хранию. Через год РАПП выпустила новое издание. На обложке — фотография траурного шествия. И эту я сберегла...

Улица Воровского была полна, битком. Не только молодежь. На траурном митинге говорил Луначарский. Истинное горе звучало в его словах. Федин казался потрясенным. Кирсанов с рыданием стал читать «Во весь голос». Я ушла. И в крематорий не пошла. Не могла. Пошла домой пешком. И все слушала его, слушала. «Уважаемые товарищи потомки!.. Оружия любимейшего род... Мы диалектику учили не по Гегелю... Краснодеревщики не слали мебель на дом...»

Эти стихи нельзя читать сидя. Только стоя! Как будто возле знамени. Громко.